

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Жизнь в эпоху
социальных экспериментов
и военных испытаний

1917–1922

Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
University of Illinois (USA)
European University at Saint Petersburg
North-West Branch of the Section
“History of Social Reforms, Movements and Revolutions”
of Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Fundamental Issues of Russian and Foreign History
Professorate of Studying the History of the Russian Revolution 1917, EUSP
Joint Stock Company Goznak

THE ERA OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

**Life in a Time of Social Experimentation
and Violence
1917–1922**

Proceedings of St. Petersburg International Colloquium
June 10–13, 2019

Saint Petersburg
Nestor-Historia
2020

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Иллинойский университет (США)
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Северо-Западное отделение Секции
«История социальных реформ, движений и революций»
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
Профессура по изучению Российской революции ЕУСПб
Акционерное общество «Гознак»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

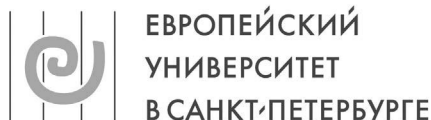
**Жизнь в эпоху социальных экспериментов
и военных испытаний
1917–1922**

Материалы международного коллоквиума
Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.

Санкт-Петербург
Нестор-История
2020

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61
Г75

Издание осуществлено при поддержке Акционерного общества «Гознак» и Европейского университета в Санкт-Петербурге

Редакционная коллегия:

Т. А. Абросимова, Б. Б. Дубенцов, Б. И. Колоницкий,
Н. В. Михайлов (ответственный редактор), А. И. Рупасов, Н. Н. Смирнов,
М. Стейнберг (ответственный редактор), К. А. Тарасов, В. Ю. Черняев, А. Н. Чистиков

Г75 Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). — СПб.: Нестор-История, 2020. — 656 с.

ISBN 978-5-4469-1699-3

В книге представлены материалы XI Санкт-Петербургского международного colloquium по русской истории, который ставил целью найти новые подходы в изучении человека и общества эпохи Гражданской войны. Исследование хода военных действий не предполагалось, в центре внимания находился человек, оказавшийся в сложной ситуации политических потрясений, социальных экспериментов, военных испытаний, террора и насилия, его повседневная жизнь, страхи и эмоции, стратегии и практики выживания. Наряду с докладами публикуются выступления в дискуссиях. Издание рассчитано на специалистов и всех интересующихся русской историей.

The volume presents proceedings of the XI St. Petersburg International Colloquium in Russian History, which aimed to find new approaches to the study of individual and society during the Civil War. The study of military operations was not intended, the focus was on a person who found himself in a difficult situation of political upheaval, social experiments, military trials, terror and violence, his daily life, fears and emotions, strategies and practices of survival. Along with the reports, speeches in the discussion are published. The book is intended for specialists as well as anyone else interested in Russian History.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-4469-1699-3

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2020
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	9
-------------------	---

Секция I

Организация повседневной жизни и самоуправления в условиях Гражданской войны

<i>Александр Рабинович.</i> Петербургский комитет большевиков в годы Гражданской войны.	13
<i>П. А. Васильев.</i> Пробуя на ощупь границы утопии: эмоции, право и повседневная жизнь в революционной России.	39
<i>Дакота Ирвин.</i> Городская жизнь после «советского эксперимента»: наследие большевистской власти и местное самоуправление в Екатеринбурге.	53
<i>Дирдре Рушитти Харшман.</i> Советский городской быт: районные советы и управление повседневной жизнью в Москве, 1918–1923 гг.	67
<i>А. А. Бимолданова.</i> Казахские волостные управители Степного края в условиях социального эксперимента 1917–1920 гг.: практики адаптации и выживания.	77
Дискуссия.	89
В. В. Калашников (89), Д. Коекер (93), В. Б. Аксенов (97), Т. А. Абросимова (98), В. П. Булдаков (99), Н. В. Михайлов (100), М. Стейнберг (100), В. И. Шишкин (101), Н. Наганова (102), С. М. Исхаков (102), У. Г. Розенберг (103), Н. Н. Смирнов (103), А. Рабинович (104), П. А. Васильев (105), Д. Ирвин (106), Д. Харшман (107), А. А. Бимолданова (107)	

Секция II

«Жизнь в катастрофе»: повседневность и стратегии выживания

<i>Вера Каплан.</i> «Мы надолго расстались с Петроградом и предпочитаем жить там, где над Кремлем не развевается красного флага»	109
<i>М. А. Витухновская-Кауппала.</i> Карелы Северо-Запада России в Гражданской войне: поиск стратегий выживания.	126

<i>В. Г. Вовина-Лебедева.</i> Способы выживания академического сообщества в годы Гражданской войны: по материалам переписки академика А. А. Шахматова	141
<i>Юэсинь Рейчел Линь.</i> Платить за ненависть добротой: китайско-российский кризис беженства 1916–1922 гг.	156
Дискуссия	171
А. Б. Ретиш (171), А. Н. Чистиков (174), А. В. Ганин (175), Я. А. Голубинов (178), О. А. Махмудов (179), В. П. Булдаков (179), Х. Мурав (180), Е. Ю. Дубровская (180), А. Билалутдинов (182), К. А. Тарасов (182), У. Г. Розенберг (182), Н. Н. Смирнов (183), В. И. Шишкин (185), Б. С. Каганович (185), В. Каплан (186), М. Витухновская-Каушпала (188), В. П. Булдаков (189), М. Витухновская-Каушпала (189), В. Г. Вовина-Лебедева (189), Ю. Р. Линь (191)	

Секция III

Церковь и политическая культура

<i>П. Г. Рогозный.</i> Гражданская война и иконы	193
<i>Скотт М. Кенворти.</i> Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской Церкви в годы Гражданской войны	208
<i>Элизабет Вуд.</i> Гендер и воображение в период Гражданской войны в России: отсталые женщины и передовые мужчины в иконографической перспективе, 1917–1922 гг.	223
<i>Шейла Фицпатрик.</i> Н. К. Крупская и народное просвещение: новый подход к В. И. Ленину	238
Дискуссия	254
Б. И. Колоницкий (254), Д. Орловски (256), В. Б. Аксенов (259), В. В. Ведерников (260), В. П. Булдаков (261), А. В. Резник (262), О. С. Поршнева (263), Э. Вуд (263), С. Кенворти (263), Я. В. Голубинов (264), С. Б. Ульянова (264), У. Г. Розенберг (264), Н. Н. Смирнов (265), П. П. Котляр (265), О. М. Морозова (266), П. Г. Рогозный (267), С. Кенворти (268), Э. Вуд (269), Ш. Фицпатрик (269)	

Секция IV

Человек эпохи Гражданской войны

<i>А. В. Ганин.</i> Командармы-изменники: коллективный портрет представителей высшего командного состава РККА, изменивших советской власти в период Гражданской войны в России, 1917–1922 гг.	271
<i>А. С. Горный.</i> От «поповичей» до студентов: коллективная биография деятелей белорусского национального движения времен Гражданской войны.	296
<i>К. К. Раджабов.</i> Мадаминбек и Шермухаммадбек курбаши — вожди повстанческого движения в Ферганской долине	304
<i>В. П. Булдаков.</i> Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.)	321

<i>В. Б. Аксенов.</i> От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы революций и Гражданской войны	337
Дискуссия	357
Б. Б. Дубенцов (357), М. Фрейм (362), М. В. Ходяков (364), Д. Суэйн (364), Н. Наганава (364), В. Ф. Солдатенко (365), М. Стейнберг (369), О. М. Морозова (370), М. Е. Разиньков (372), Л. А. Юзefович (372), С. М. Исхаков (373), М. Витухновская-Каушпала (374), Б. И. Колоницкий (374), А. В. Ганин (375), А. С. Горный (376), К. К. Раджабов (377), В. П. Булдаков (378), В. Б. Аксенов (379)	

Секция V

Политические режимы и национальные движения на постимперском пространстве

<i>В. Ф. Солдатенко.</i> Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919–1920 гг.)	381
<i>В. И. Шишкин.</i> Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны	394
<i>В. Ж. Цветков.</i> Особенности отношения южнорусского крестьянства к реализации аграрной политики денкинского правительства в 1918–1920 гг.	410
<i>Норихиро Наганава.</i> Гражданская война как цивилизаторская миссия: роль татарских политработников Красной армии в Туркестане	417
<i>Александр Коробейников.</i> География советских национальностей в Сибири: горизонтальные связи и транскультурное взаимодействие в контексте формирования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики	436
<i>О. А. Махмудов.</i> На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам)	451
Дискуссия	465
А. В. Резник (465), А. И. Рупасов (468), У. Г. Розенберг (469), В. П. Булдаков (470), В. В. Калашников (471), К. А. Тарасов (472), Л. А. Булгакова (472), Б. И. Колоницкий (474), Н. Н. Смирнов (475), С. М. Исхаков (476), В. Ф. Солдатенко (477), В. И. Шишкин (482), В. Ж. Цветков (484), Н. Наганава (485), А. Коробейников (486), О. А. Махмудов (487)	

Секция VI

Насилие и политический террор

<i>О. С. Поршнева.</i> Практики насилия в воспоминаниях рабочих — участников Гражданской войны на Урале	489
---	-----

<i>Харриет Мурав.</i> Некрополитика и художественная литература в эпоху Гражданской войны в России	506
<i>И. С. Ратьковский.</i> Белый концлагерь: жизнь заключенного Гражданской войны в России	523
<i>О. М. Морозова.</i> Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов	533
Дискуссия	546
Ш. Фицпатрик (546), А. В. Посадский (548), В. Каплан (551), Б. И. Коло- ницкий (552), В. Б. Аксенов (553), В. П. Булдаков (555), Д. И. Иванов (556), В. Ф. Солдатенко (557), В. В. Лапин (561), О. С. Поршнева (561), Х. Мурав (563), И. С. Ратьковский (564), О. М. Морозова (565)	

Секция VII

Историография и историческая память

<i>К. М. Александров.</i> Профессор Николай Николаевич Головин и его сотрудники о социальном поведении в годы Гражданской войны: концептуальные тезисы	568
<i>П. Ю. Мажара.</i> Вспоминая повседневность войны (по материалам устных рассказов нижних чинов Северо-Западной армии белых, записанных писателем Л. Ф. Зуровым)	583
<i>Я. А. Голубинов.</i> Гражданская война как место и практики памяти в 1920–2010-е гг.: случай Самары	595
<i>К. В. Годунов.</i> Празднования годовщин революционного Октября в эпоху Гражданской войны: эмоции, сакральность, власть	610
Дискуссия	624
Д. Суэйн (624), В. Ю. Черняев (626), У. Г. Розенберг (629), Н. Н. Смир- нов (631), А. В. Ганин (632), Б. Б. Дубенцов (634), И. С. Ратьковский (635), Е. Л. Варустина (636), А. В. Резник (640), В. С. Измозик (641), О. С. Порш- нева (641), К. М. Александров (642), П. Ю. Мажара (647), Я. А. Голубинов (648), К. В. Годунов (649), М. Стейнберг (649)	
Сведения об авторах и участниках коллоквиума	651

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербургский международный colloquium хорошо известен специалистам по русской истории второй половины XIX — XX в. Он регулярно проводится уже на протяжении трех десятилетий и вызывает неподдельный интерес как у российских, так и зарубежных историков¹.

От многих других международных форумов Санкт-Петербургский colloquium отличается оригинальная форма организации. С самого первого colloquiuma 1990 г. было принято представлять тексты докладов заранее. Вначале их тиражировали на ксероксе, а в последние два десятилетия участники colloquiuma заблаговременно получали тексты докладов в виде препринта, а также имели возможность ознакомиться с ними в электронном виде на сайте организатора. Это избавляло докладчиков от необходимости зачитывать тексты, ограничиваясь их кратким представлением, а основное время уделялось не оглашению, а обсуждению докладов. Эта особенность Санкт-Петербургского colloquiuma нашла отражение и в публикациях его материалов. С самого начала наряду с докладами публикуются и материалы обсуждения, которые позволяют читателю окунуться в атмосферу научной полемики².

В этой книге публикуются материалы XI Международного colloquiuma «Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922», состоявшегося в Санкт-Петербурге 10–13 июня 2019 г. Организаторами colloquiuma выступили Санкт-Петербургский

¹ Подробнее об истории Санкт-Петербургского международного colloquiuma см.: *Смирнов Н.Н., Потолов С.И.* Двадцать лет сотрудничества // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX в.: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.) / отв. ред. Н.В. Михайлов, Й. Хельбек. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 25–38; *Mikhaylov N. V., Rosenberg W. G., Smirnov N.N.* Twenty Five Years of Scholarly Collaboration: the International Russian History Colloquium of the St. Petersburg Institute of History, RAS // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 268–287.

² Полный перечень публикаций материалов Санкт-Петербургского colloquiuma за 1992–2014 гг. см.: Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.) / отв. ред. Б.И. Колоницкий, Д. Орловски. СПб.: Нестор-История, 2017. Примеч. 1. С. 7.

институт истории Российской академии наук, Иллинойский университет (США), Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западное отделение Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории. Проведение коллоквиума стало возможным благодаря поддержке АО «Гознак» и Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сопредседателями международного организационного комитета были М. Стейнберг (Иллинойский университет, США) и Н. В. Михайлов (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук).

Оргкомитет рассмотрел 103 заявки, в программу коллоквиума было включено 32 доклада, официально зарегистрировано более 100 участников. В коллоквиуме приняли участие 25 зарубежных историков, в том числе из США, Австралии, Австрии, Великобритании, Венгрии, Израиля и Японии. Впервые на коллоквиуме были так широко представлены историки ближнего зарубежья: из Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана и Украины.

Организаторы коллоквиума ставили целью найти новые подходы в изучении человека и общества эпохи Гражданской войны. Коллоквиум не предполагал исследования хода военных действий, в центре внимания находился человек, оказавшийся в сложной ситуации политических потрясений, социальных экспериментов, военных испытаний, террора и насилия, его повседневная жизнь, страхи и эмоции, стратегии и практики выживания. Не были обойдены вниманием проблемы гендера, историографии и исторической памяти. Доминирование антропологического подхода не исключало исследования политических институтов и организаций, как красных, так и белых, которые генерировали идеи, задавали определенные, часто очень жесткие, рамки поведения рядового гражданина, ставили его перед проблемой выбора и создавали механизмы проведения в жизнь определенных идеологий и социальных практик.

Публикуемые доклады отличает не только новизна и оригинальность теоретических подходов, но и их наполнение новым конкретно-историческим материалом, как введение в научный оборот неизвестных ранее источников, так и привлечение редко используемых историками источников, с которыми чаще имеют дело социологи, литературоведы, искусствоведы, правоведы, специалисты по психиатрии и другие представители гуманитарного знания. Междисциплинарный подход вызвал интерес участников обсуждения и способствовал плодотворной дискуссии.

Коллоквиум продолжался 4 дня в конференц-зале Европейского университета в Санкт-Петербурге. В ходе научной дискуссии прозвучало 116 выступлений.

И доклады, и дискуссия обнаружили как различные подходы, так и точки соприкосновения. Участники обсуждения согласились с тем, что Гражданская война в России — очень сложный исторический феномен, для которого характерна многоплановая и многоуровневая динамичная картина, отличающаяся крайним разнообразием социальных, культурных и политических процессов

на постимперском пространстве. В ходе дискуссии выявилось различное отношение к концепции Великой российской революции 1917 г. и к периодизации Гражданской войны. Однако отмечалось, что многие из участников Гражданской войны, особенно те, кто выступил в роли «атаманов», «вождей» и «вожжков», в политическом отношении являлись продуктом 1917 г.

Обсуждение показало, что дальнейшее изучение Гражданской войны требует исследования как общих черт, так и территориальной специфики, а также учета международного контекста. Подчеркивалась важность разработки вопроса о разных формах участия в Гражданской войне, основанных на социально-классовых, этнических, религиозных и гендерных идентичностях, учете культурных и традиционных практик, транснациональной динамики и транскультурной перспективы. Явно недостаточным, отмечалось в выступлениях, было внимание к опыту женщин и месту гендера (в том числе и мужественности) в истории и особенно в отношении к пережитому человеком опыту Гражданской войны в России.

Насилие и отношение к насилию были сквозными темами, к которым постоянно возвращались участники дискуссии. Подчеркивалось, что проблема легитимации насилия имеет особое значение для понимания гражданских войн, поскольку, в отличие от «нормальных» ситуаций истории, в этот период как никогда актуальным становился вопрос о том, кто являлся властью и кто мог использовать насилие.

Хотя большинство участников полемики подвергло критике тезис о классовом характере конфликта в том понимании, которое вкладывала в него советская историография, отмечалось, что в ходе Гражданской войны доминировал язык класса, подчеркивалось, что дискурс класса, соответствующая риторика и символика создавали для красных более благоприятную идеологическую ситуацию, которая способствовала их победе в Гражданской войне. Дискуссия показала, что проблема «перевода» политического, религиозного и других языков как никогда актуальна, так же как и изучение языка коммуникации с властными инстанциями, репрезентации образов «своего» и «чужого».

Представленные доклады задали очень широкие географические рамки, что привлекло внимание участников дискуссии к проблеме распада и «сборки» на постимперском пространстве в годы революции и Гражданской войны. Большое внимание было уделено национальным движениям, однако отмечалось, что одной национальной перспективы в изучении Гражданской войны недостаточно. Подвергся критике классический постколониальный нарратив, объясняющий воссоединение отпавших в результате национальных движений территорий исключительно их силовым захватом Красной армией. Подчеркивалось, что такой подход не отражает всей полноты картины. В частности, отмечалось, что мобилизация по признаку национальной идентичности могла иметь целью не выход из состава государства, а являлась стратегией самосохранения в условиях ослабления центральной власти. В процессе «сборки» распавшегося постимперского пространства значение имели не только насилие, но и диалог,

транскультурное взаимодействие и продвигавшиеся большевиками социальные модели и практики, касавшиеся в том числе и национальных отношений.

Тем, кого заинтересуют материалы обсуждения, полезно будет узнать, что во всех секциях соблюдалась одинаковая очередность выступлений. Первые два — выступления комментаторов, одного российского и одного иностранного, которым оргкомитет доверил открытие дискуссии. Затем слово предоставлялось всем желающим, завершали дискуссию докладчики, имевшие возможность ответить на вопросы и подвести итоги дискуссии.

Магнитофонная запись и расшифровка дискуссии выполнена К. А. Тарасовым. В процессе подготовки издания авторы докладов имели возможность их доработать, а участники дискуссии — проверить тексты своих выступлений. Дискуссия публикуется с незначительными сокращениями: опущены приветствия, выражения благодарности, организационные и информационные сообщения.

Оргкомитет выражает признательность администрации Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге за помощь в подготовке коллоквиума. Слова особой благодарности оргкомитет адресует председателям секционных заседаний Т. А. Абросимовой, Д. Коенкер, Д. Орловски, У. Г. Розенбергу, Н. Н. Смирнову, М. Стейнбергу и А. Н. Чистикову, которые смогли организовать плодотворную дискуссию.

Оргкомитет выражает благодарность сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге: ассистенту факультета истории С. Ш. Мамедли за большой вклад в работу по организации и проведению коллоквиума, а также администратору Центра изучения культурной памяти и символической политики А. Б. Матисовой за усилия по подготовке настоящего издания.

Проведение коллоквиума и издание этой книги было бы невозможно без неоценимой помощи почетного профессора Мичиганского университета, ассоциированного научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН У. Г. Розенберга, чье постоянное внимание и поддержку члены оргкомитета ощущали на всем протяжении подготовки и проведения Санкт-Петербургского международного коллоквиума, который стал еще одним важным шагом в реализации долгосрочного проекта международного научного сотрудничества.

СЕКЦИЯ I

Организация повседневной жизни и самоуправления в условиях Гражданской войны

Александр Рабинович

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ БОЛЬШЕВИКОВ в годы Гражданской войны

Основное внимание в данной статье будет посвящено Петербургскому комитету большевиков (ПК) с марта 1918 по ноябрь 1919 г. За время, которое охватывает самые страшные месяцы Гражданской войны на Северо-Западе России, основополагающие характеристики, статус и функции ПК кардинально изменились, прежде всего, в ответ на быстро развивающиеся политические и военные вызовы. Однако я хотел бы начать с некоторых предварительных замечаний о положении и структуре ПК в 1917 г., чтобы различия между этими двумя периодами были полностью понятны.

После Февральской революции 1917 г. лидеры петроградских большевиков вышли из подполья или вернулись в столицу из ссылки в Сибирь или эмиграции. В эти первые недели их внимание было сосредоточено на восстановлении ПК как руководящего центра вновь легализованной оппозиционной политической партии, способной привлечь массовую поддержку, победить на выборах и со временем захватить государственную власть. ПК, созданный этими большевиками, представлял собой значительный руководящий орган, организованный и действовавший относительно демократически. Среди его первых членов, которых насчитывалось более сорока, а иногда и больше, были ключевые руководители местных партийных организаций и по одному или по несколько избранных представителей от каждого из пятнадцати большевистских районных комитетов (райкомов). В период с начала марта до конца 1917 г. этот первый легальный ПК собирался по меньшей мере пятьдесят раз, а если учитывать совместные встречи с Центральным комитетом партии (ЦК) и другими партийными организациями, расположенными в Петрограде, то это число достигает почти шестидесяти. Протоколы большинства этих собраний сохранились в относительной полноте по сравнению с аналогичными документами за 1918 и 1919 гг.¹

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. / ред. Т. А. Абросимова и др. СПб., 2003; Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году / ред. Т. А. Абросимова и др. СПб., 2013. В настоящее время готовятся к публикации протоколы за 1919 г.

Этот, может быть, не лучший, чем какой-либо другой, источник свидетельствует о достаточно открытых и демократических методах работы ПК в 1917 г., которые предусматривали удивительно свободные внутренние дискуссии и полезную, своевременную обратную связь от «низов». Они также передают волнение и энергию местных большевистских лидеров в ПК, когда они защищали то, что они считали своими прерогативами, оценивали быстро меняющиеся глобальные, национальные и местные политические реалии и обсуждали стратегические и тактические альтернативы. В решении своих бесчисленных задач этим лидерам неизмеримо помогли деятельные партийные райкомы, а также постепенно созданные и тщательно выстроенные сети партийных коллективов на петроградских заводах и в воинских частях.

Иногда близость ЦК к ПК и потенциальное влияние действий ПК на всю страну приводили к напряженности между двумя руководящими органами. Однако все же революционный курс, намеченный ими, был удивительно успешным. В период с марта по октябрь 1917 г. десятки тысяч петроградских фабричных рабочих, солдат гарнизона и моряков Балтийского флота удалось привлечь к поддержке радикальной большевистской программы, заключенной в лозунгах «Мир, земля и хлеб!» и «Вся власть Советам!». Более того, их внушительное количество присоединилось к партии. К тому времени, когда большевики пришли к власти, число членов партии в Петрограде и прилегающих районах возросло примерно с 2 тыс. в марте 1917 г. до почти 50 тыс. членов.

Кроме регулярных заседаний в 1917 г. были организованы три общегородские конференции, в которых ПК и избранные большевистские представители от райкомов, профсоюзов и других массовых организаций приняли активное участие. Естественно, что главной заботой этих конференций был поиск оптимального развития революции.

Центральным вопросом первой городской конференции петроградских большевиков, которая прошла 14–22 апреля, было обсуждение и принятие ленинских «Апрельских тезисов». Вторая, проходившая 1–3 июля, в последний момент приняла решение возглавить стихийно начавшееся и закончившееся неудачей Июльское восстание. Вновь собравшись почти через две недели после подавления движения, представители партии отвергли идею Ленина об отказе рассматривать Советы как движущую силу революции. Наконец, третья партийная петроградская конференция 7–11 октября проигнорировала еще одно настойчивое требование Ленина: в данном случае о том, чтобы сама конференция подтолкнула бы ЦК к мобилизации сил партии для немедленного вооруженного восстания против Временного правительства.

24–25 октября партийные лидеры на месте, действуя под видом защиты революции и используя Военно-революционный комитет Петроградского совета под руководством Троцкого, совершили относительно мирную передачу государственной власти Второму Всероссийскому съезду Советов, где преобладали большевики.

1918

В 1918 г., как и в 1917 г., ПК собирался регулярно и относительно часто (примерно 60 раз). Среди основных проблем, стоящих перед ним в начале, были две противоречивые, принципиально важные проблемы, нерешенные с конца 1917 г. Первый из этих вопросов, касающийся позиции по отношению к Всероссийскому учредительному собранию, был не так прост, как может показаться. Созыв представительного Учредительного собрания для разработки демократической политической системы России был главной целью русских революционеров на протяжении десятилетий. Более того, созыв Учредительного собрания был главным призывом большевиков во время подготовки к «Красному Октябрю». После некоторых первоначальных колебаний правительство Ленина все же провело выборы в Учредительное собрание, как и было запланировано. Что в результате? Большевики получили большинство голосов в Петрограде и окрестностях, что в конечном итоге имело решающее значение для выживания их правительства. Тем не менее социалисты-революционеры (эсеры) оказались победителями в целом по стране. Они смогли беспрепятственно перейти от агитации к разработке законов для Учредительного собрания. Положение большевиков после выборов было более сложным. Даже в союзе с новорожденной партией левых эсеров² они рисковали остаться в меньшинстве в Учредительном собрании.

Эта дилемма вновь обнажила фундаментальный, давно возникший раскол в высшем руководстве большевиков между ленинцами и партийными умеренными по вопросу о развитии революции. Начиная с марта 1917 г. умеренные во главе с Львом Каменевым последовательно возражали против ленинского центрального тезиса о том, что «буржуазно-демократический» этап российской революции закончился, и вытекающего из него радикального тактического курса. То, что они постоянно выступали в качестве сдерживающего фактора, их стремление к созданию коалиций с другими левыми социалистическими группами в течение весны и лета 1917 г. способствовало расширению политического признания партии. Их осторожность в ключевые моменты помогла спасти партию от вероятной катастрофы. После того, как умеренным, несмотря на все усилия, не удалось предотвратить «Красный Октябрь», Каменев и его единомышленники попытались значительно расширить новое советское правительство, но не преуспели в этом.

Результаты выборов в Учредительное собрание укрепили их уверенность в том, что социалистическая революция в отсталой России оказалась преждевременной; что продолжение ленинского радикального курса губительно для партии и революции; что большинство партийных лидеров по всей стране

² Левые эсеры составляли радикальное крыло партии эсеров до второй половины ноября 1917 г., когда они организовались как самостоятельная партия, подержавшая большевиков.

разделяют их мнение³. Именно поэтому в середине декабря 1917 г. умеренные, изгнанные из высшего руководства партии, созвали митинг значительного количества избранных большевистских делегатов в Учредительное собрание. Более того, они начали готовиться к его открытию, пока их не остановил руководимый Лениным ЦК.

Ленин занял однозначную позицию, согласно которой существующий радикально-социалистический советский режим заменил собой любой «буржуазно-либеральный» политический порядок, который могло создать Учредительное собрание. В ПК было мало умеренных. В споре об Учредительном собрании большинство петроградских большевиков были недвусмысленными сторонниками ленинской позиции. Радикальный курс, который вытекал из этого, вылился в события во время единственного заседания Учредительного собрания 5–6 января 1918 г.⁴ Недовольство его произвольным роспуском было относительно легко преодолено во многом благодаря продолжающейся поддержке политической и социальной программы большевиков в Петрограде и Северо-Западном регионе.

После этого на протяжении всей Гражданской войны петроградские большевики сосредоточили свое внимание на Европе в ожидании социалистических революций за рубежом, на которые Ленин и его сторонники возлагали надежды как на средство выживания радикальной социалистической революции в России.

Вторая важная задача, стоявшая перед ПК в самом конце 1917 г. и в начале 1918 г., была связана с настолько же спорным вопросом о войне и мире. Главная проблема заключалась в том, принять ли тягостный сепаратный мир с имперской Германией, о котором шли переговоры в Брест-Литовске, как того требовал Ленин, или отвергнуть предложение и начать «революционную» партизанскую войну против немцев, на которой настаивали «левые коммунисты». По этому вопросу ПК порвал с Лениным и был главным, горячим и стойким сторонником левого коммунизма.

В течение данного периода большевики, конечно, укрепились в качестве правящей партии революционной России. Тем не менее на этой самой ранней стадии большевистского режима ПК не играл системной роли в национальном или местном руководстве, за исключением предоставления высокого процента своих наиболее способных сотрудников на должности в национальном и местном управлении, а также на политическую и военную службу по всей стране.

В марте 1918 г., когда оккупация столицы враждебной Германией казалась неизбежной, все общероссийское руководство во главе с Совнаркомом, включая большевистский и левозсеровский центральные комитеты, бежало

³ Рабинович А. Умеренные большевики об Октябре 1917 года // Исторические записки. 2008. № 11 (129). С. 330–347.

⁴ *Он же*. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 146–151, 168–202.

из Петрограда в Москву, находившуюся в относительной безопасности. Некоторое время после этого основным органом власти Петрограда стал вновь образованный Совет комиссаров Петроградской коммуны, в апреле замененный Советом комиссаров Северной коммуны регионального масштаба.

Москва не оказывала давления на ведущие партийные органы, такие как ПК, чтобы установить абсолютный политический контроль над Советами до конца весны 1918 г. Однако петроградские большевики пытались оспаривать это серьезное системное изменение до конца 1918 г. и на самом деле на протяжении большей части 1919 г. Обязательное постановление VIII Всероссийского съезда Коммунистической партии в марте 1919 г. о центральной роли партии в руководстве страной не устранило беспокойство петроградских большевиков по поводу ослабления Советов. Вместе с тем задолго до этого ПК постепенно включился, хотя и спорадически, в процесс принятия решений по широкому спектру актуальных вопросов управления. Среди них, безусловно, наиболее трудоемкими были проблемы с поставками продовольствия, за которыми следовали правительственные и неправительственные назначения, а также вопросы, связанные со строительством Красной армии.

Тем не менее в течение 1918 г. и в начале 1919 г. ПК продолжал тратить большую часть своего времени на партийные вопросы. Исходя из частоты их включения в повестку дня заседаний, наиболее важным предметом обсуждения были деятельность и состав ПЧК (в течение всего периода с 1918 по 1919 г. ПЧК имела приоритет на без того скудные кадры); функционирование нового делегатского совета и партийных школ; планирование конференций и собраний того или иного рода; территориальное объединение партийных округов. Эти по существу партийные вопросы также включали в себя такие принципиально важные повседневные проблемы, как назначение и перевод работников, а также разработка и настройка агитации и пропаганды, являвшихся ключевыми для политики.

Все это время ПК сталкивался с необходимостью курировать местные партийные организации, одновременно пытаясь приспособиться к уже значительному и постоянно растущему дефициту «ответственных» членов партии. Среди прочего изоляция, порожденная этой основополагающей организационной слабостью, помогает объяснить продолжавшиеся с конца марта 1918 г. усилия ПК по набору собственных, исключительно большевистских сил безопасности. Еще раньше непосильная нагрузка на руководящие кадры вынудила IV Петроградскую городскую конференцию большевиков (16–20 февраля 1918 г.) сократить количество членов Исполнительного комитета ПК (переименованного в Бюро) с девяти до трех, а всего ПК с сорока или более представителей до девяти человек, избираемых на ежеквартальных городских конференциях.

Следствием этого количественного сокращения стало то, что не все райкомы имели право голоса в ПК. Чтобы компенсировать это нарушение норм 1917 г., IV городская конференция создала выборный «делегатский совет» с широким представительством, пользовавшийся авторитетом. Однако этот новый

орган не смог взять на себя центральную руководящую роль, для которой он был создан, и вскоре был упразднен. Кроме того, IV городская конференция сформировала неформальный вспомогательный назначаемый совещательный орган — Собрание организаторов, состоявший из оплачиваемых «ответственных организаторов» от каждого райкома партии, которые претерпели изменения. Протоколы ПК за 1918 и 1919 гг. показывают, что Собрание превратилось в главный канал связи, через который ПК узнавал о проблемах, стоящих перед райкомами, и основной форум партийной организации для обсуждения и распространения организационных вопросов и политики.

Ни уменьшение численности ПК, ни создание Собрания организаторов не могли смягчить разорительный кадровый дефицит партии. По мере того, как количество хоть сколько-нибудь дееспособных большевиков сокращалось, возрастала их доля на административной работе. Для петроградских большевиков печальным следствием этой практики стал разрыв тщательно выстроенных связей с заводскими рабочими, солдатами и моряками, которые были ключом к их успеху в 1917 г. Если во второй половине 1917 г. большевики «владели» цехами, то для первой половины 1918 г. это уже не было характерно. Меншевики, эсеры и беспартийные противники большевизма получили относительно свободный доступ к фабричным рабочим и извлекли максимум из сложившейся ситуации. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда (ЧСУ), в котором принимали участие представители большого числа петроградских промышленных предприятий, было самым злобещим признаком этой новой реальности. Вопрос достиг своей кульминации после того, как руководство ЧСУ назначило на 2 июля всеобщую забастовку. Большевистские власти приняли меры, чтобы предотвратить запланированные массовые акции и подавить ЧСУ раз и навсегда. Из-за их решительных шагов реакция на забастовку ЧСУ была незначительной, и судьба Собрания была предопределена.

Как оказалось, для петроградских большевиков значение подавления ЧСУ было сведено на нет крахом их партнерства с левыми эсерами. На Северо-Западе альянс основных левых социалистических партий страны расцвел после ратификации Брест-Литовского договора⁵. Однако этот союз не смог противостоять потрясениям, последовавшим за убийством посла Германии в Советской России графа Вильгельма Мирбаха 6 июля 1918 г. Левые эсеры, активно поставлявшие дефицитные кадры для аппарата управления и сил безопасности Петрограда, превратились в самого опасного внутреннего врага большевиков. Петроградские власти занялись систематическим преследованием левых эсеров. В ответ эта партия сама прибегла к крайним мерам. Например, 20 января 1919 г. левым эсерам Петроградского района удалось созвать в книжном магазине в центре Петрограда подпольную партийную конференцию, на которой было утверждено применение индивидуальных террористических актов

⁵ Там же. С. 387–418.

против большевистских деятелей с целью подорвать их власть⁶. Нет никаких свидетельств, что какие-либо убийства были совершены в соответствии с этим решением. Тем не менее петроградские левые эсеры, борющиеся с контролируемой большевиками советской властью, сыграли ключевую роль в забастовке, которая парализовала петроградские промышленные предприятия в марте 1919 г.

В 1918 г. ПК организовал пять общегородских конференций большевиков партийных, правительственных и массовых организаций. Кроме решения таких ключевых организационных вопросов, как компенсация значительного сокращения численности ПК, IV Петроградская конференция большевиков в феврале 1918 г. мобилизовала оппозицию к ратификации Брестского договора. VI (8–10 июня), VII (17–21 сентября) и VIII (14–16 декабря) общегородские конференции большевиков посвятили значительное время оценке и решению проблем ПК, многие из которых вытекали из продолжавшегося оттока «ответственных» кадров, подходящих для партийной работы. Достаточно отметить, что примерно за пять месяцев между IV и VI конференциями петроградских большевиков членство в партии сократилось с 36 тыс. до 13 472 человек. Хуже того, как подсчитал сам Зиновьев, «сотни, если не тысячи» вновь прибывших из этого ничтожного количества были откровенными преступниками⁷.

Не имея возможности замедлить эту угрожающую тенденцию и опасаясь контрреволюции в целом, на VII общегородской конференции в сентябре 1918 г. Зиновьев выступил в качестве главного в петроградской партийной организации защитника массового террора для поддержания порядка и сохранения власти.

1919

Серьезные и повсеместные политические, социальные и экономические проблемы обеспечили постоянный кошмар для петроградских большевиков на протяжении всего 1918 г. В январе 1919 г. социальные и политические потрясения в Германии породили надежды на то, что, наконец, наступят мировые социалистические революции. Празднования, вызванные новостями о провозглашении Венгерской Советской Республики в марте 1919 г., были еще одним убедительным признаком того, насколько большевики в Петрограде, как и по всей Советской России, все еще рассчитывали на революции на Западе для своего собственного выживания. И все же светлые надежды, вдохновленные отголосками политических событий за границей, одна за другой загорались и вновь

⁶ Архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. № Р-42585; Левые эсеры и ВЧК: Сборник документов / сост. А. Л. Литвин. Казань, 1996. С. 293.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 1. Оп. 4. Д. 116. Л. 1, 6–13.

угасали. Для петроградских большевиков 1919 г. оказался таким же трудным и разочаровывающим, как и предыдущий.

Протоколы ПК за 1919 г. показывают, что вызовы, стоявшие перед партией в начале года, заключались в продолжающейся бюрократизации государственных и партийных органов, а также коррупции, пьянстве и других злоупотреблениях властью со стороны советских служащих, поспешно завербованных членов партии низшего уровня и даже сил правопорядка. В течение первого квартала 1919 г., когда была дозволена, а иногда даже поощрялась некоторая открытая критика внутрипартийных и правительственных злоупотреблений властью, внутренние проблемы открыто обсуждались в «Петроградской правде». Уменьшенный количественно ПК, Бюро ПК и Собрание организаторов, а также Петроградский совет и его руководящие органы посвятили немало времени борьбе с тенденциями разложения в партии и правительстве. Так, значительная часть пленарного заседания Петроградского совета 14 января была посвящена проблеме крайней бюрократизации. Подробный отчет о нем появился на следующей неделе в «Северной коммуне». Во время неформального общегородского собрания большевиков в конце марта Зиновьев говорил о внутрипартийных реформах, предписанных VIII Всероссийским съездом Коммунистической партии, и, вызвав продолжительные аплодисменты, высмеял большевиков в кожаных куртках, презиравших всех и вся⁸.

Тем не менее даже массовая чистка петроградской партийной организации в июле 1919 г. не смогла существенно улучшить положение. Это произошло отчасти потому, что последовавшая кампания по набору членов партии исключительно из фабричных рабочих и солдат (первая петроградская «партийная неделя») не смогла предотвратить зачисления в ее ряды вредных элементов⁹.

В то же время большинство петроградских рабочих продолжали уклоняться от партийного призыва. Автор редакционной статьи «Петроградской правды» от 6 августа, не выбирая выражений, прямо заявил, что «по сравнению с общим числом петроградских рабочих количество членов партии [большевиков] смехотворно»¹⁰. В тот же период, выступая на митинге, Зиновьев подчеркнул исключительную важность массовой вербовки в партию для устранения стены, которая разделяла «нас и их» (большевиков и огромную массу беспартийных рабочих)¹¹.

Борьба с растущей коррупцией на местах по-прежнему находилась в центре внимания на пленарном заседании Петроградского совета 18 августа. Согласно докладу депутата Филиппа Медведя, главы ПЧК, не менее 40 % случаев,

⁸ Петроградская правда. 1919. 30 марта.

⁹ Об Июльской чистке (или «перерегистрации») и партийной неделе см.: Рабинович А. Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (предварительные выводы) // Эпоха войн и революций: 1914–1922. СПб., 2017. С. 195.

¹⁰ Петроградская правда. 1919. 6 августа. В то же время почти все петроградские рабочие являлись членами профсоюзов, а 50 % профсоюзных активистов составляли женщины.

¹¹ Там же.

расследуемых его ведомством, касались должностных преступлений. Разобравшись с ними, он заключил, что во время военной угрозы ЧК должна сосредоточить внимание на борьбе с контрреволюцией. Она вернется к таким насущным внутренним проблемам, как должностные преступления, тогда, когда исчезнет непосредственная внешняя угроза¹².

В 1919 г. на петроградских заводах вспыхнули с новой силой политические и социальные волнения. Это брожение явилось следствием массового голода, увольнений с производства из-за нехватки топлива, угрозы военной оккупации и все возрастающей нехватки надежных членов партии, которые могли бы справиться с множеством острейших проблем.

В течение года произошли сразу две волны крупных волнений среди рабочих — в марте и в июле. Мартовские забастовки, в которых приняли участие 34 704 рабочих, привели к остановке 15 петроградских заводов и фабрик¹³. Большая их часть была вызвана угрозой усиления голода. Однако заявленная цель левых эсеров, которые помогли организовать их, была открыто революционной. Листовки левых эсеров того времени показывают, что эти бывшие союзники большевиков рассматривали эти забастовки как первый шаг в свержении контролируемой большевиками советской власти¹⁴.

Основной причиной еще более широкой волны рабочих забастовок, разразившейся 7 июля и продолжавшейся до 20 июля, снова был катастрофический голод. Но к этому времени левые эсеры были побеждены. Имеющиеся данные показывают, что цели июльских забастовок, в отличие от мартовских, были почти исключительно экономическими¹⁵. Однако для ПК и других партийных и руководящих органов революционного Петрограда это было слабым утешением, поскольку они мало что могли сделать, чтобы облегчить голод и отчаяние, которые он породил до сбора урожая в августе.

В целом во время этой второй крупной забастовочной волны 1919 г. кратковременные, но дестабилизирующие стачки и забастовки остановили работу почти 40 промышленных предприятий и трамвайных парков по всему Петрограду¹⁶. Просьбы, направляемые в Москву, об экстренной помощи с доставкой продовольствия остались без ответа. Власти Петрограда сумели подавить забастовки,

¹² Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов созыва второй половины 1919 года. Заседание третье. 18 августа 1919 г. [Пг., 1919]. С. 42–70.

¹³ Яковлева К. Забастовки фабрично-заводских рабочих г. Петрограда за первую четверть 1919 г. // Материалы по статистике труда. Пг., 1919. Вып. 5. С. 53.

¹⁴ Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России. Фонд Листовок.

¹⁵ О мартовских и июльских забастовках 1919 г. см.: Рабинович А. Выживание большевиков. С. 184–191; *Он же*. Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май-июль 1919 г.) // Государство, общество и личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сб. Научных трудов к 80-летию со дня рождения В. С. Измозика. СПб., 2018. С. 172–175.

¹⁶ Бюллетени отдела статистика труда при Петроградском отделе труда и совете производственных союзов. 1919. 15 ноября. № 8. С. 3–5.

переменяя уступки и репрессии. После этого они действовали гораздо быстрее, решительнее и жестче, чтобы подавить протест рабочих в зародыше.

Кроме того, ПК стремился компенсировать свою численную слабость, направляя все большее количество дефицитных кадров в ПЧК в качестве поддержки политики возрастающего количества арестов, тюремных заключений и расстрелов реальных и потенциальных врагов. Таким образом, Петроград следовал общероссийской тенденции. В связи с ростом волнений и усилением беспорядков по всей стране ограничения ЧК по проведению расстрелов, принятые ЦК в начале февраля 1919 г., были отменены в конце марта¹⁷.

Несколько недель спустя правительство создало систему принудительных трудовых лагерей по всей стране. Власти в Петрограде начали создавать подобные лагеря в начале мая, если не раньше, еще до принятия подробных правил, регулирующих их деятельность¹⁸. Например, 9 мая, в связи с угрозой наступления финских войск в Карелии, одним из шагов, предпринятых Исполнительным комитетом Петроградского совета по защите тыла, стало массовое направление «белогвардейцев» в концентрационные лагеря¹⁹.

Безразличие Москвы к экономическим кризисам Петрограда было глубоко оскорбительным для большевистских властей города. Со временем это возмущение усиливалось напряженностью в политических и культурных вопросах. Пожалуй, самым ярким примером является внезапный роспуск Совета комиссаров Северной коммуны в феврале 1919 г., произведенный ЦК в одностороннем порядке. Мне уже приходилось писать о той огромной гордости, которую Зиновьев и его соратники испытывали в отношении своего регионального правительства, Северной коммуны. Для них это был полноправный наследник Парижской коммуны и символ Красного Петрограда как «колыбели» и центра всемирной социалистической революции²⁰. Ранее я также описывал предпосылки роспуска правительства коммуны на III съезде Советов Северной области 24 февраля²¹.

Достаточно отметить, что накануне съезда петроградское руководство было обеспокоено тем, что Москва рассматривает вопрос об ограничении его власти. Однако очевидно, что до необычайно продолжительного заседания фракции большевиков, предшествовавшего открытию съезда, большинство ведущих партийных деятелей и, конечно, петроградские большевики вообще ничего не знали о решении Москвы немедленно покончить с Северной коммуной.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 1а–3.

¹⁸ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1971. С. 69–70, 97–181.

¹⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 150. Оп. 1. Д. 30. Л. 15. В фонде 1-го городского районного совета за этот период содержится список из 166 человек, подлежащих аресту в качестве заложников, с указанием адресов и профессий (ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20. Л. 252 – 254 об.).

²⁰ Рабинович А. Большевики у власти. С. 534–539.

²¹ Он же. Выживание большевиков. С. 193.

На этом заседании и в тот же день на съезде народный комиссар просвещения (наркомпрос) Анатолий Луначарский сообщил, что руководство партии совсем недавно приняло решение о роспуске Северной коммуны. Он оправдал этот внезапный, на первый взгляд, ошеломляющий шаг тем, что ЦК был удовлетворен тем, что правительство коммуны выполнило свою задачу по стабилизации революции на региональном уровне, что петроградское руководство было срочно необходимо в других местах и что Москва пришла к выводу, что она достаточно сильна, чтобы приступить к дальнейшей централизации советского управления по всей стране. Луначарский объявил вопрос исчерпанным, а приказ обязательным. Постановление о роспуске Северной коммуны было одобрено поднятием рук.

Впоследствии предписания со стороны Москвы о переводе ключевых партийных лидеров из бывшей столицы участились. Эта ситуация достигла критической точки в конце лета. 2 сентября ПК предложил некоторые шаги для того, чтобы ее смягчить. ЦК, в свою очередь, отреагировал еще менее значительными мерами для успокоения ПК²². Однако прогресс в решении проблемы был внезапно прерван чрезвычайными военными мобилизациями, первоначально для Южного фронта (против Деникина), а несколько недель спустя для Петроградского фронта (против Юденича). В ноябре, после устранения этих угроз, отток служащих из Петрограда в Москву возобновился, как и прежде.

Яркий пример напряженности в отношениях между Петроградом и Москвой по культурному вопросу в течение лета и начала осени 1919 г. был связан с направлением, сроками и содержанием реформы начальной школы. Эти разногласия также продемонстрировали то, в какой степени петроградские большевики выступали в защиту того, что они считали своим неотъемлемым правом и своей приверженностью долгосрочным революционным целям, несмотря на кризисы того времени. 6 августа Бюро ПК заслушало выступление Златы Лилиной, учительницы по профессии и жены Зиновьева, занимавшей руководящие посты в петроградских отделениях сразу двух народных комиссариатов — социальной справедливости и просвещения. Лилина пожаловалась на сложность совмещения обеих должностей и попросила разрешить ей сфокусироваться на последней.

Похоже, ее мотивация была двоякой. С одной стороны, она больше предпочитала работать с детьми. С другой стороны, могла проявиться ее заинтересованность в том, чтобы помочь подтолкнуть петроградское отделение Народного комиссариата просвещения (Компрос) влево, в сторону более быстрых и радикальных изменений, чем те, которые проводил Луначарский в Москве и его сотрудники в Петрограде. Бюро одобрило предпочтительное предложение Лилиной²³. Кроме того, Бюро направило в Москву ее кандидатуру в качестве главы Компроса. Однако назначение не было одобрено.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 77–78; Петроградская правда. 1919. 3 сентября.

²³ Там же. Л. 64.

8 сентября это решение вызвало гневную критику ПК в отношении Компроса из-за его некомпетентности и робости в школьной реформе, а также недовольство вмешательством Москвы в то, что местные партийные лидеры считали своим делом. Это обсуждение закончилось принятием предложения о вызове Луначарского в Петроград для реорганизации самого комиссариата²⁴.

Неделю спустя Луначарский предстал перед необычным совместным заседанием Исполкома Петроградского совета и ПК для защиты Наркомпроса и Компроса, зависящего от решения из Москвы. Встреча была посвящена обсуждению фундаментальных различий в школьной реформе между, с одной стороны, радикальной петроградской точкой зрения, представленной Зиновьевым, ПК и Лилиной, при поддержке их сторонников из Компроса, и более осторожной точкой зрения Москвы, озвученной Луначарским и его сотрудниками Компроса, с другой. «Петроградцы» были намерены заложить основу для принципиально новой, децентрализованной сети единых трудовых школ. «Москвичи» же твердо решили начать с относительно умеренной реформы существующей школьной системы.

Защищая свой комиссариат, Луначарский решительно отклонил критику в свой адрес. «Мы знаем, что осуществить политическую революцию можно за час, — подчеркнул он. — Социальные, экономические и культурные революции требуют десятилетий». Несколько наиболее авторитетных петроградских лидеров во главе с Зиновьевым вступили в полемику с Луначарским. Столкновение закончилось принятием недвусмысленной декларации о том, что настойчивое требование Москвы сохранить некомпетентную, неудовлетворительную коллегию граничит с лишением Петроградского совета права выбирать своих собственных чиновников, с чем петроградская партийная организация никогда не сможет согласиться.

Реакция Москвы содержалась в резкой директиве, доведенной до сведения ПК 22 сентября, в которой подтверждались назначения Луначарского. Не удивительно, что ПК снова взорвался. Им был составлен текст заявления в ЦК, где говорилось о том, что комитет снимает с себя ответственность, если назначаемые из Москвы лица не будут в состоянии выполнять свои обязанности. Вместе с тем ПК согласился, что вопрос о составе Компроса должен быть оспорен как дело принципа²⁵.

Однако неизвестно, была ли эта категорическая позиция доведена до Москвы, потому что на следующий день состав коллегии Компроса стал центром другой совместной экстренной встречи Исполкома Петроградского совета и ПК. Григорий Евдокимов (председатель президиума Исполкома, член ЦК и ПК), который был отправлен ранее в Москву, чтобы выступить по делу Лилиной, описал разочарование, которое его постигло в столице. Высшее партийное

²⁴ Там же. Л. 79 об. — 80.

²⁵ Там же. Л. 87.

руководство отказалось изменить свою позицию, и, что еще хуже, второй кандидат, Лазарь Зеликсон, также был отклонен.

На это новое противодействие Москвы ПК отреагировал с той же непреклонностью, что и прежде, решив твердо отстаивать назначение Зеликсона вне зависимости от цены²⁶. В то же время Зеликсону было разрешено приступить к своим новым обязанностям, что он и сделал уже на следующий день. Его деятельность была прервана осенним военным кризисом. Тем не менее она получила решительное одобрение XI городской конференции петроградских большевиков 25–26 ноября, после чего Зеликсон возобновил свою кампанию за фундаментальные изменения в начальной школе.

Согласно его отчету на заседании Собрания организаторов неделю спустя (16 декабря), недавно созданная комиссия Компроса занималась проверкой работы всех учреждений Компроса и сообщала о проблемах районным отделам образования. Коллега Зеликсона по Компросу, явно недовольный осторожными темпами работы, потребовал более быстрых коренных изменений, включая немедленное изгнание всех умеренных из Компроса и безотлагательную реализацию программ переподготовки учителей. Встречая положительный отклик аудитории, оратор настаивал на том, что Компрос как никогда нуждается в политическом реформировании, а городские школы требуется превратить в «мощное оружие Коммунистической партии».

29 декабря на своем последнем собрании 1919 г. ПК еще раз подтвердил свое решение о том, что Зеликсон возглавляет Компрос²⁷. Также все участники заседания согласились воздействовать на Москву для подтверждения назначения Лилиной в коллегию Зеликсона в качестве главы отдела Компроса по школьной реформе, несмотря на хорошо известную, твердую оппозицию Ленина этой идее²⁸.

Независимо от сущности и причин продолжающихся разногласий между Петроградом и Москвой, способность ПК выполнять директивы последней неизменно осложнялась насущными местными требованиями. Например, после принудительной ликвидации регионального правительства Северной области в конце февраля 1919 г. ПК столкнулся с усилением напряженности и необходимостью мобилизаций, связанных с вторжением белофинов в Карелию. Чуть позже, когда Москва настояла на немедленной отправке максимально возможного количества членов партии и в целом рабочих и крестьян, чтобы остановить наступление войск адмирала Александра Колчака на Центральную Россию, петроградские лидеры столкнулись с резко обострившимися политическими и социальными волнениями в городе.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 233; Петроградская правда. 1919. 24 сентября.

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 339. Л. 75 об.

²⁸ 24 декабря, по настоянию Ленина, ЦК официально объявил выговор ПК за неподчинение в вопросе о назначении Лилиной (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 130 — 130 об.).

Эти проблемы в середине мая усугубились во время первой из двух попыток войск генерала Николая Юденича захватить Петроград. Получив одобрение и поддержку англичан, это первое наступление Юденича на Петроград развивалось с удивительной скоростью. Целые части Красной армии бежали в панике или массово дезертировали при первых признаках наступления противника²⁹. Когда к июню подразделения Северного корпуса приблизились к окраинам Петрограда, на Красной Горке, Серой Лошади и Обручеве, трех стратегически важных фортах вдоль побережья Финского залива, немедленно вспыхнули антибольшевистские восстания³⁰. Для иностранных наблюдателей падение большевизма в бывшей столице казалось делом времени. Разумеется, их постигло разочарование, отчасти потому, что к этому времени наступление Колчака на Востоке замедлилось, и Москва смогла уделить обороне Петрограда достаточное внимание, чтобы помочь остановить войска Юденича на ближних подступах к городу.

Принимая во внимание непрекращающееся давление со стороны Москвы, а также нестабильность, конфликты и внутреннюю угрозу в Петрограде, может показаться удивительным, что в 1919 г. ПК собирался реже, чем в 1918 г. (примерно тридцать девять и шестьдесят раз соответственно). Еще более нелогично на первый взгляд то, что в течение трех месяцев пиковой военной угрозы (май, июнь и октябрь 1919 г.) ПК собрался только пять раз. Основное объяснение этой бездеятельности заключалось в двух факторах: переход власти от государственных и партийных органов к новому специальному учреждению, Комитету революционной обороны Петрограда (КРОП), и перевод из Петрограда некоторых важных членов ПК в сочетании с тяжелой перегрузкой оставшихся. В течение 1919 г. практически все авторитетные члены партии, все еще находящиеся в ПК, совмещали множество других высоких постов в партии, администрации и/или армии. Начиная с мая, для того, чтобы заменить ПК, многие из его задач волей-неволей брали на себя Бюро ПК (которое все чаще выступало как по политическим, так и по административным вопросам, несмотря на свои собственные кадровые проблемы), Собрание организаторов или, по всей видимости, случайные члены ПК, оказавшиеся под рукой в Смольном. В то же время КРОП стал самым мощным руководящим органом в городе.

В 1919 г. ПК созвал три официальные городские партийные конференции: IX общегородскую конференцию большевиков (8–13 марта) во время первой волны промышленных забастовок; X конференцию (28–29 июля), когда Петроград особенно сильно пострадал от внутренних и внешних кризисов, а ПК

²⁹ Масштабы дезертирства Красной армии и интересные выводы о его причинах см. *Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State. Ithaca, 1990. P. 69–80.*

³⁰ Эти восстания, приуроченные к наступлению Северного корпуса, выявили уязвимость большевистской власти в Петроградском регионе. В период с 13 по 16 июня три мятежных форта с помощью активного артобстрела были приведены в подчинение красными сухопутными и военно-морскими силами.

впервые столкнулся с устойчивой критикой; и XI конференцию (25–26 ноября), всего через несколько недель после последнего и самого опасного наступления на Петроград, когда критика ПК вновь активизировалась.

В 1919 г. ПК также созывал периодические общегородские собрания всех членов партии и кандидатов. Эти крупные форумы были посвящены внутрипартийным проблемам, в том числе пьянству и крайней бюрократизации (8 января); отношениям между партией и Советами (29 марта); массовой мобилизации (16 апреля); призыву и первой «партийной неделе» (4 августа); отношениям между партией и профсоюзами (9 сентября); формированию исключительно большевистских вооруженных «отрядов ПК» (7 октября); VIII Всероссийской конференции Коммунистической партии и VII Всероссийскому съезду Советов (20 ноября).

Кроме того, ПК организовал специальные форумы, нацеленные на увеличение числа сторонников среди работниц. В начале марта 1919 г. среди 8815 членов петроградской партийной организации насчитывалось лишь 595 женщин³¹. В то же время продолжающийся отток мужчин на партийную, руководящую и военную работу сочетался с сохраняющейся слабостью партии на фабриках, где трудились женщины. У ПК не осталось иного выбора, кроме как удвоить попытки привлечь работниц. Признаками этих особых усилий стали выпуск секцией ПК по партийной работе специального периодического издания «Работница» и организация двух крупных общегородских конференций для фабричных женщин.

Бесспорно, самым грандиозным собранием работниц, организованным женской секцией ПК в 1919 г., стал I съезд работниц и крестьянок Северной области, состоявшийся 22–26 января. Этот тщательно спланированный и организованный съезд открылся в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца, где 20 июля 1914 г. царская семья и около 5 тыс. высокопоставленных гостей приветствовали призыв царя Николая II к русскому народу объединиться в поддержку военных усилий страны. В заседаниях приняли участие 815 делегатов с петроградских фабрик и несколько сотен избранных крестьянок из деревень от всех восьми провинций Северной области.

Отчеты о подготовке съезда свидетельствуют о том, что ему уделялось первоочередное внимание³². Они показывают, что некоторые из наиболее известных женщин ПК разъехались по городам и селам Петроградской губернии, чтобы помочь с выборами делегатов съезда. Каждому официальному делегату не из Петрограда должны были обеспечить бесплатную поездку в город (плюс хлебное довольствие на обратную дорогу), жилье в Зимнем дворце или местной гостинице, паек красноармейца (по 10 руб. в день), специальное питание для тех, кто в этом нуждался, ежедневные порции сигарет и спичек для курильщиков, материнское молоко для кормящих матерей, экскурсии по городу и концерты.

³¹ Красная газета. 1919. 14 марта.

³² ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–10.

Иногородних гостей на вокзалах Петрограда встречали приветственные плакаты. Делегатам вручались сувенирные портреты Маркса, Ленина и других революционных героев, а также памятные блокноты. Многие из прибывающих «крестьянских баб» имели при себе подробные наказы, проекты выступлений специальных сельских собраний, на которых они были избраны, и/или аналогичные воззвания³³. Подобное явление демонстрировало мучительное и искреннее беспокойство делегатов. Судя по стенографическим отчетам съезда, представительницы деревень не имели или почти не имели формального образования и никогда не посещали больших конференций, не говоря уже о публичных выступлениях. Их неуправляемое поведение на съезде вызывало все более и более раздраженные замечания утомленных председательствующих. Эти делегатки были по понятным причинам смущены правилами проведения съезда и боролись с формальностями голосования по резолюциям. Тем не менее, несмотря ни на что, они сумели выразить свои мучения из-за войны, которая забрала их мужчин с полей, из-за красноармейцев, уносивших их постоянно сокращающиеся, совершенно недостаточные запасы зерна, оставляя их на произвол судьбы, а также из-за местных властей, стремившихся пресечь их богослужения.

Более образованные и лучше осведомленные делегатки внимательно слушали и так же страстно реагировали на выступления о текущем моменте, продуктивном снабжении, церкви и государстве, правах женщин, партийной работе в деревне, борьбе с проституцией и сельскохозяйственных коммунах. Ежедневные отчеты о съезде в петроградской прессе создавали позитивный образ гармонии между заводскими и крестьянскими женщинами, когда они слушали речи и обменивались взглядами на общие цели.

Стенографические записи съезда передают другую картину. В них зарегистрированы эмоциональные, крайне возбужденные выкрики крестьянок, которые сопровождали почти все выступления. В целом запись отражает те фундаментальные различия, которые отделяли их от лучше обеспеченных, более образованных и политически сознательных женщин с петроградских фабрик.

Нехватка квалифицированных кадров у петроградской партийной организации в 1919 г. помогает объяснить ее усилия по обучению крестьян для советской работы³⁴, а также то, почему в критические моменты игнорировалось строгое разделение ролей между партией и Советами, утвержденное VIII съездом партии. В такие драматические периоды ПК или Бюро ПК встречались совместно с Исполкомом Петроградского совета или его президиумом, чтобы принимать решения по безотлагательным вопросам.

Однако гораздо более значительно повлияло на нарушение утвержденных большевиками организационных принципов то, что с начала мая 1919 г.

³³ Там же. Д. 171.

³⁴ См.: *Дубенцов Б.Б.* Создание крестьянского университета: замысел и результат 1918–1919 // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 107–126.

до конца года Петроград и его окрестности находились в осадном положении, объявленном правительством в Москве. На протяжении большей части этого периода чрезвычайного правления власть КРОП, возглавляемого Зиновьевым, имела первостепенное значение. Архивные записи, как и поток директив, ежедневно публиковавшийся в петроградской прессе, свидетельствуют о широких полномочиях КРОП. Сфера деятельности чрезвычайного органа по политическим, экономическим и военным вопросам в течение семи месяцев осады превышала полномочия петроградских отделений правительственных комиссариатов, ПК и других партийных руководящих органов, Петроградского совета и его учреждений, а также в значительной степени командования Петроградским военным округом. Одновременно районные революционные тройки, подотчетные КРОП, выполняли многие функции как райкомов, так и районных советов.

Это значительное сокращение власти ПК и связанное с ним уменьшение и без того ограниченного влияния райкомов не было официально одобрено и не стало предметом обсуждения. Вследствие этого неудивительно, что местные большевистские лидеры были особенно обеспокоены таким положением. Их недовольство проявилось со всей ясностью на X и XI городских конференциях петроградских большевиков, в июле 1919 г. и в конце ноября соответственно.

На июльской конференции в подробном отчете о работе ПК комиссар Равич преуменьшила выхолащивание роли ПК и, более того, признала за ПК ряд поразительных достижений. Признав, что напряженность в отношениях между ПК и профсоюзным руководством возникла из-за организационной роли сторон, особенно во время мобилизаций, она обвинила профсоюзы в сопротивлении руководству партии. Заявив это, Равич по сути проигнорировала хорошо известную зависимость ПК от более эффективного аппарата петроградских профсоюзов во время бесконечных массовых мобилизаций на протяжении 1919 г.³⁵ Аналогично, обвиняя большевистское профсоюзное руководство в том, что оно не подчиняется партийным органам, комиссар не приняла во внимание, что членство в профсоюзах намного превзошло партийное³⁶. Имеющиеся документы показывают, что во время чрезвычайных военных кризисов быстрые

³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 44–57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 226. Л. 1–13. Во время апрельско-майского военного кризиса Петроградский совет профсоюзов приостановил все свои обычные функции и «превратился в Комитет содействия Красной армии» (Первая Петроградская губернская конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, 11–13 сентября 1919 г. Стенографический отчет. [Л., 1930]; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 4. Д. 5. Л. 24–25, 28–29; Д. 46. Л. 43–44).

³⁶ В марте 1919 г. в партии числилось 8815 человек, из которых впечатляющий 41 % вступили менее 6 месяцев назад. В июле число членов партии сократилось до 5039 человек. Общее количество большевиков в августе 1919 г. составило 7676. Для сравнения: на 1 марта число членов профсоюзов оценивалось в 144 224 человека. Самое главное, что в течение всего 1919 г. общее членство в партии померкло по сравнению с чрезвычайно большим числом рабочих, которые платили профсоюзные взносы, но отказывались вступить в партию, несмотря на сильное давление.

действия со стороны центрального профсоюзного руководства и отдельных профсоюзов были ключом к успеху.

Не успела Равич закончить свой доклад, как разразился ожесточенный спор между критиками и сторонниками существующего ПК³⁷. Эта дискуссия была начата разгневанными делегатами от райкомов и профсоюзов. Один за другим они высказывались о том, что Равич сгладила недостатки в работе ПК, которые могут обернуться фатальными последствиями. С точки зрения и координации масс, и руководства партийной организацией, и установления политики для правительства Петрограда, результаты ПК были удручающими. Некоторые критики настаивали на том, что вместо того, чтобы развивать независимую политическую линию, как это предполагалось, ПК последовательно следовал примеру ЦК или просто соглашался с решениями советских руководящих органов. ПК лишь подтверждал решения, принятые в других местах, неверно истолковал общественные настроения и давал обещания, которые он не мог сдержать. В результате ПК перестал быть значительной политической силой.

Столкнувшись с подобным наступлением, защитники ПК настаивали на том, что «старый» ПК сделал все возможное в невозможных обстоятельствах. Те, кто ожидал, что ПК будет на шаг впереди в принятии решений, забывали о том, что ситуация на местах развивалась с молниеносной скоростью и что роль партии изменилась: из оппозиционной в 1917 г. она превратилась в правящую. Защитники ПК также привели в целом верный аргумент о том, что с 1917 г. как партийная организация, так и рабочий класс Петрограда были количественно и качественно ослаблены в результате переводов из города и постоянных мобилизаций. Когда судьба революции буквально висела на волоске, у партийного руководства не было иного выхода, кроме как использовать свои лучшие силы для защиты государства. Также критики ПК не брали в расчет, что с весны Петроград и его окрестности стали частью фронта. В этих условиях принятие решений естественным образом перешло в руки органов обороны. По словам сторонников ПК, передача власти «военщине» была неизбежна.

Поток гневной критики ПК на X городской конференции предвещал еще более сильную, более последовательную атаку на следующей, XI городской конференции в конце ноября. Вновь противники ПК поставили под сомнение способность комитета руководить. Многие из протестующих делегатов были молодыми, относительно новыми членами партии. Их наступление против пассивного поведения ПК, тех, кого сегодня можно было бы назвать «истеблишментом», четко прослеживается в стенографической записи конференции³⁸.

Дополнительные сведения об этом новом витке дискуссий в период, когда военный кризис середины октября 1919 г. еще был свеж в памяти, содержатся в подробном отчете о XI конференции, написанном анонимным делегатом

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 167–170; Д. 141. Л. 1–38.

³⁸ Там же. Д. 142. Л. 59–81.

из Рождественского райкома³⁹. По словам автора, который явно симпатизировал критикам ПК, «оппозицию» (термин этого делегата) на XI городской конференции возглавляли представители Выборгского, Петроградского, Нарвско-Петергофского и Василеостровского райкомов. Он подчеркнул, что причина действий «оппозиции» кроется в ненормальных отношениях, которые постепенно складываются между центром и районами в партийной и советской работе, а не в каких-либо принципиальных разногласиях по существенным вопросам. «Оппозиция» напала на ПК за то, что он не приложил никаких усилий, чтобы направить работу райкомов, в то же время систематически подавляя все их инициативы.

В августе и сентябре 1919 г. Зиновьев рассчитывал, что осень и зима не будут сопровождаться военными действиями на петроградском фронте. Он с нетерпением ждал передышки после кризисов военного времени, во время которой появится время для давно назревшей политической работы и мирного партийного и государственного строительства. 3 сентября, несомненно, с подачи Зиновьева, Исполком Петроградского совета принял проект устава, направленного на централизацию городского управления, лишив ранее авторитетные районные советы реальной власти. В соответствии с этим предложенным принципом руководящие отделы районных советов должны были строго контролироваться соответствующими отделами Исполкомов Петроградского совета, а районные Исполнительные комитеты ограничивались «общим контролем» над своими отделами, при этом они не должны были «вмешиваться» в делопроизводство⁴⁰. Две недели спустя, игнорируя бурный протест районных советов, Исполнительный комитет принял план по реализации этого шага. Но, однако, эта и все подобные инициативы «мирного времени» были прерваны чрезвычайными военными мобилизациями.

В конце октября, после провала последнего наступления Юденича, петроградские власти отказались от секретных приготовлений по эвакуации города и вновь с нетерпением ожидали периода спокойствия. В целом эта надежда также оказалась эфемерной. Не успели войска Юденича отступить от Петрограда, как снова Москва потребовала немедленной передачи всех имеющихся людей, чтобы помочь добить Деникина. Хотя ситуация с продовольствием в городе немного улучшилась, в преддверии зимы почти ничего не было сделано, чтобы облегчить и без того плачевную, а по прогнозам и катастрофическую нехватку горючего для домов и промышленности.

Страшный топливный кризис Петрограда зимой 1919–1920 гг. заслуживает внимания из-за того, что он позволяет увидеть фундаментальные недостатки ПК. С последней недели сентября до середины октября, когда угрожающая

³⁹ Там же. Оп. 23. Д. 337. Л. 23 – 26 об.

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 196. Эти резолюции были опубликованы на первой полосе «Известий Петроградского Совета» (Известия Петроградского Совета. 1919. 6 сентября).

нехватка топлива была уже очевидна, проблема рассматривалась на двух сессиях Исполкома Петроградского совета, на совместном заседании ПК с Исполкомом и на пленарном заседании Петроградского совета (8 октября)⁴¹. На всех этих встречах разгорелись жаркие споры по крайне деликатному вопросу о закрытии заводов и фабрик в качестве меры по экономии топлива. На каждом из них были предложены альтернативы закрытию заводов. Тем не менее все они пришли к, казалось бы, неизбежному выводу о том, что дальнейшие массовые закрытия предприятий были неизбежны.

Наконец, 14 октября чрезвычайное городское совещание высокопоставленных партийных и профсоюзных руководящих работников заслушало отчеты технических специалистов о размерах нехватки топлива и пришло к выводу, что закрытие большинства действующих фабрик и заводов нельзя откладывать⁴². Это было крайне неудобное решение. Оно было также политически опасно. Увольняя большое количество рабочих, большевистское руководство Петрограда рисковало оттолкнуть своих основных сторонников. Тем не менее, несмотря на возможный эффект от принудительного закрытия заводов, решение Совета от 14 октября было немедленно обнародовано⁴³.

Остановка предприятий была отложена до конца октября, т.к. большая часть членов партии и беспартийных рабочих, остававшихся в Петрограде, были срочно отправлены на фронт. Городским властям пришлось вернуться к этому непростому вопросу вскоре после того, как миновала угроза для Петрограда. 11 ноября состоялось первое после наступления Юденича заседание Исполкома Петроградского совета. На нем был утвержден длинный список чрезвычайных мер, направленных на резкое сокращение потребления и увеличение закупок топлива независимо от долгосрочных затрат.

Однако обязательное закрытие фабрик и заводов в тот момент не планировалось⁴⁴. Готовилась практически военная операция, общая организация и руководство которой было поручено небольшому, высокопоставленному топливному «штабу», как он фигурирует в документах⁴⁵. Однако первые результаты его действий не соответствовали минимальным потребностям Петрограда. Между 15 ноября, когда был сформирован штаб, и 25 ноября, когда открылась

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 233; Красная газета. 1919. 24 сентября; Петроградская правда. 1919. 24 сентября; Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского совета... Ч. 1. Заседание шестое. 24 сентября. С. 320–344; Красная газета. 1919. 25 сентября; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 243; Петроградская правда. 1919. 9 октября; Известия Петроградского Совета. 1919. 9 октября.

⁴² Петроградская правда. 1919. 15 октября. По словам Николая Иванова, комиссара труда в правительстве Петрограда, на этом заседании для немедленного закрытия были намечены в общей сложности 118 предприятий, на которых занято 20 900 рабочих.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 281, 281 об.

⁴⁵ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского совета... Ч. 1. Заседание одиннадцатое. 15 ноября. С. 506.

XI городская конференция петроградских большевиков, чрезвычайная ситуация с топливом в городе значительно ухудшилась.

Поэтому неудивительно, что наиболее насущной проблемой в перегруженной повестке дня конференции была именно катастрофическая нехватка топлива. К тому времени на многих предприятиях его запасы уже кончились, и увольнения, которых ждали с опасением, стали реальностью.

На XI конференции профсоюзный лидер Григорий Циперович (представитель ПК в «штабе») подробно описал эти реалии и вновь напомнил о большом политическом риске, связанном с ними. Он несколько раз подчеркнул, что топливный кризис все еще можно преодолеть, если большевики подойдут к нему с той же спокойной решимостью, с какой они сражались с Юденичем. Слишком много партийных лидеров подходили к дефициту как к экономическому вопросу, когда он стал принципиально политическим, и его нужно было рассматривать как важный элемент борьбы большевиков за политическое выживание. Следует добавить, что обвинение Циперовича в отношении большевиков было поддержано тремя партиями, которым удалось получить слово до того, как прения были закрыты⁴⁶.

Зимой 1919–1920 гг., когда власти Петрограда столкнулись с угрожающим топливным голодом, они вернулись к длительным структурным «реформам» в советском руководстве и партии, а также в отношениях между ними. Они начались с централизации советской власти сверху донизу по распоряжению Исполкома Петроградского совета 3 сентября⁴⁷. Недовольство лишением районных советов власти над своими собственными подразделениями, которое тлело во время угрозы со стороны Юденича, после этого решения вырвалось наружу. Действительно, спорный вопрос беспокоил и открыто обсуждался в серии статей на первых полосах «Петроградской правды» в конце ноября и начале декабря⁴⁸. Когда 1919 г. подходил к концу, проблема централизации руководства, связанная с судьбой районных советов, как и вопрос о характере школьной реформы, остались нерешенными.

Какие произошли структурные изменения в партии? В 1919 г., задолго до последнего наступления Юденича на Петроград, ПК сформировал отдельные секции для решения таких важнейших задач, как партийная работа среди работниц и рабочей молодежи, а также для агитации и пропаганды. Кроме того, в период затишья между военными кризисами приоритетное внимание уделялось развитию партийных школ для координации и подготовки новых членов партии, а также партийных клубов, где новобранцы, рядовые партийные работники и фабричные рабочие могли отдыхать, читать, участвовать в образовательных кружках, смотреть кино или слушать лекции и концерты. Разумеется, быстрое продвижение Юденича привело к немедленному прекращению всех подобных инициатив.

⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 4. Д. 143. Л. 105–119, 123–126, 130–131.

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 196.

⁴⁸ Петроградская правда. 1919. 28, 30 ноября, 2, 5 декабря.

В несколько дней общие усилия по обороне Петрограда, последовавшие сразу за мобилизацией на восточный и южный фронты, лишили город большого процента оставшихся старых большевиков, а также значительной части рядовых членов партии, включая молодежь и новобранцев. Только появившиеся и даже давно существовавшие структуры — от райкомов до самого ПК — были моментально обескровлены⁴⁹. ПК столкнулся с необходимостью масштабной перестройки, прежде чем он смог вновь создавать такую «роскошь», как партийные школы и клубы.

В конце октября 1919 г. ПК столкнулся с множеством других проблем. Очевидная перспектива спокойствия на Северо-Западе поставила перед ПК ряд новых, неотложных и сложных задач. С одной стороны, он должен был обеспечить координацию и подготовку все большего числа новых членов, привлеченных в партию после ее внезапной, убедительной победы над классовым врагом. С другой стороны, ему нужно было разработать стратегию борьбы с еще большим числом вооруженных, недовольных и все еще «политически незрелых» войск, возвращавшихся с фронта в убогие казармы, кишачие грызунами и насекомыми. В более широком смысле ПК, в тесном взаимодействии с Собранием организаторов, столкнулся с фундаментальной, системной задачей, заключающейся в утверждении контроля над правительственной политикой, как того требовал от партии VIII съезд.

Вопрос о том, как наилучшим образом организовать политическую работу среди возвращающихся войск, оказался главным в повестке дня расширенного заседания Собрания организаторов 12 ноября. Среди его участников были ведущие члены ПК и представители партии из Красной армии и флота. Здесь возник серьезный спор о том, кто будет направлять политическую работу среди вернувшихся красноармейцев: военный отдел Петроградского совета или ПК. ПК одержал победу. Обсуждение завершилось решением создать постоянную военную секцию ПК. Цель этого нового отдела состояла в том, чтобы руководить политической деятельностью в вооруженных силах с тем, чтобы облегчить вербовку новых членов и их идеологическое воспитание во всех подразделениях армии и флота, базирующихся в Петрограде⁵⁰.

27 ноября новый состав ПК, избранный XI городской партийной конференцией, начал рассматривать такие ключевые организационные вопросы, как

⁴⁹ О хаосе в петроградской партийной организации в конце октября 1919 г. см.: Протокол расширенного заседания Собрания организаторов от 29 октября (ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 2. Д. 344. Л. 36–38). Большая часть организаторов и других представителей партии, собравшихся там, сообщили, что во время кризиса практически все большевики в своих районах были мобилизованы и что в настоящее время партийная работа зашла в тупик. На заседании ПК двумя днями ранее Анна Иткина начала оценку состояния партийной работы, призвав уделять повышенное внимание деятельности среди работниц, поскольку большинство взрослого населения (рабочего класса), все еще находящегося в Петрограде, были женщинами (ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 339. Л. 2).

⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 43 — 49 об.

роль и функции комитета, а также структуру и обязанности его исполнительного Бюро и руководящих секций. Насколько можно судить по скудным записям, ПК, которому вменялось собираться еженедельно, должен был дать партийной организации общее политическое руководство. Бюро из трех человек отвечало за повседневную работу, включая надзор за работой секций. Существующие отделы по агитации и пропаганде, организации работников и рабочей молодежи, а также политической работе в армии были сохранены. Кроме того, создан совершенно новый организационно-инструкторский отдел.

Как объяснила ведущий большевистский организатор Женя Егорова, которой было поручено возглавить эту новую структуру, ее главная цель состояла в том, чтобы наблюдать за подготовкой новых членов партии, влившихся после победы над Юденичем. Помимо этого, отдел должен был контролировать организационную работу по всему Петрограду и обеспечивать обучение и проверку на рабочих местах.

Поскольку развивать деятельность нового отдела возможно было только в тесном сотрудничестве с райкомами, Егорова поставила вопрос о секциях ПК перед Собранием организаторов. Обсуждение этого вопроса, продолжавшееся два заседания, заслуживает отдельного внимания⁵¹. Создание нового организационно-инструкторского отдела и сохранение секций по агитации и пропаганде, а также партийной работе среди работников, красноармейцев и молодежи встретили общее одобрение.

Вместе с тем большинство организаторов также высказались за создание совершенно новых секций для работы с советами, профсоюзами и прессой. Советскую секцию считали принципиально важной для распределения, наблюдения и руководства в отношении работников советов, а также для установления партийного контроля над советами. Мотивация для создания нового отдела ПК по работе с профсоюзами состояла в том, чтобы курировать профсоюзные вопросы, связанные с политикой. (Ответственность за обе эти задачи VIII съезд партии возложил на фракции большевиков в советах и профсоюзах.) Что касается отдела прессы, то его необходимость объяснялась повышенным вниманием «Петроградской правды» к отдаленным международным и общегосударственным вопросам в ущерб повседневным заботам местного населения.

ПК заслушал доклад Егоровой об этих рекомендациях 15 декабря. Ожидаемо обсуждение создания пяти новых отделов, поддержанное всеми организаторами и с чем уже согласился сам ПК, ограничивалось практическими проблемами с их реализацией. Зиновьев, который редко посещал заседания ПК и чей авторитет в качестве регионального «вождя» основывался на руководстве Петроградским советом, первым выступил против создания нового отдела по советской работе. Он считал, что механизм партийного контроля над советами уже существует, и все, что нужно, это укрепить его. Зиновьев также опасался ужесточения мер по борьбе со все еще авторитетным, исключительно

⁵¹ Там же. Д. 339. Л. 45 — 46 об.; Д. 344. Л. 46–49.

большевистским профсоюзным руководством, а также изменения статуса общегосударственного органа печати, соответствующего мировому статусу Петрограда в его понимании. В конечном итоге он высказал решительный протест против создания новых отделов по работе с профсоюзами и прессой, заявив, что оба они «абсолютно не нужны»⁵².

Естественно Циперович, высокопоставленный профсоюзный деятель, выступил категорически против учреждения нового профсоюзного отдела, создаваемого для того, чтобы ослабить то небольшое, что осталось от независимой политической позиции профсоюзного руководства и независимости профсоюзов в целом. В конце концов, ПК отклонил все три дополнительных отдела, предложенных Собранием организаторов⁵³.

Возможно, не случайно после этого решения ПК обсудил и конкретизировал отношения между ним и Бюро ПК, с одной стороны, и Собранием организаторов — с другой. ПК должен был руководить работой Собрания, которое в свою очередь должно было стать консультативным и исполнительным органом ПК. Членам Бюро поручалось присутствовать на заседаниях организаторов (читай: осуществлять надзор). Проекты планов, разработанные организаторами, полагалось отправлять на утверждение в ПК. Предложение о том, чтобы два выборных организатора присутствовали на заседаниях ПК без права голоса, было отклонено⁵⁴.

ПК провел свое последнее заседание 1919 г. 29 декабря. Оно прошло в необычно полном составе и было в основном посвящено подготовке к первому организационному собранию вновь избранного Петроградского совета на следующий день. Таким образом, это может служить подтверждением возобновления усилий ПК по налаживанию широкого партийного контроля над советами, санкционированного VIII Всероссийским съездом Коммунистической партии. На этом заседании присутствовало большинство членов ПК и кандидатов, избранных на XI городской конференции. Во-первых, шесть членов ПК (включая Зиновьева) были намечены в качестве членов президиума Исполкома Петроградского совета. Основная часть Исполкома должна была состоять из большевиков, выдвинутых райкомаами партии, при условии их утверждения со стороны ПК. Кроме того, во главе всех основных секций Петроградского совета были избраны члены и кандидаты в члены ПК или хорошо известные оставшиеся без назначения большевики.

Новые должности ведущих деятелей ПК, которые все еще были перегружены множеством других важных обязательств, могли быть болезненным напоминанием о постоянной, острой нехватке руководящих кадров в петроградской партийной организации. Во всяком случае, неудивительно, что на последнем заседании года ПК вернулся к этой самой неразрешимой и изнурительной

⁵² Там же. Д. 339. Л. 57.

⁵³ Там же. Л. 55 — 60 об.

⁵⁴ Там же.

организационной проблеме. В последнем пункте повестки дня — «О недостаточности партийных работников в Петрограде» — ПК вновь обратился к ЦК с просьбой о помощи с квалифицированными кадрами, которая игнорировалась в течение большей части этих двух лет⁵⁵.

Заключение

Эта статья в основном касается деятельности ПК во время Гражданской войны, в особенности в период между мартом 1918 г., когда столица была перенесена в Москву, и ноябрем 1919 г., окончательным разгромом Юденича. Место ПК в партийной иерархии и его политическое поведение в течение этого времени были обусловлены тем фактом, что Петроград стал «вторым городом» России на периферии основного военного фронта. В связи с этим власти Петрограда должны были каким-то образом балансировать между, с одной стороны, сохранением и развитием революции в своем городе, который они продолжали рассматривать как настоящий штаб мировой социалистической революции, и, с другой стороны, потребностями защиты и обороны, которые Москва считала необходимыми для выживания и расширения большевизма по всей стране.

В течение этого почти двухлетнего периода большевистские власти в старой и новой столицах России вели острые споры по ключевым политическим вопросам, таким как судьба Северной коммуны и сопутствующее сведение на нет статуса Петрограда на местном и региональном уровнях, обязательный перевод необходимых работников из города и т. д. Они также спорили по ряду экономических и культурных вопросов. В этой статье затронуты дискуссии о чрезвычайной продовольственной помощи, характере и темпах радикальной школьной реформы. Исторические источники также показывают, что имела место и полемика представителей райкомов и профсоюзов с ПК по поводу прерогатив и деятельности последнего (например, на X и XI городских конференциях). Гораздо более важным с точки зрения долгосрочного исторического значения является тот факт, что партийные организации в обеих столицах, вместе с гораздо более крупными профсоюзами, оставались единственными в общей смертельной, но в конечном итоге успешной битве за выживание революции.

Долгосрочные политические издержки этой «победы» были ошеломляющими. Помимо колоссальной цены войны с точки зрения человеческих потерь и физического уничтожения, именно тогда, когда петроградские большевики изо всех сил пытались выжить и «военщина» укрепила свою власть, было утрачено сравнительно демократическое внутреннее функционирование времен 1917 г., а идеологическая косность усилилась. Массовые расстрелы политических противников и изоляция реальных и потенциальных врагов в принудительных трудовых и концентрационных лагерях стали рутинным делом.

⁵⁵ Там же. Л. 71 — 81 об.

Сформировалась авторитарная, репрессивная военизированная советская политическая система. Открытым оставался вопрос, возможно ли вернуть эгалитарные идеалы и относительно гибкую практику 1917 г. в отсутствие мировой революции, как, несомненно, надеялось большинство ветеранов-большевиков, ведь эра Гражданской войны для Петрограда закончилась.

Перевод с английского Константина Тарасова

ПРОБУЯ НА ОЩУПЬ ГРАНИЦЫ УТОПИИ: ЭМОЦИИ, ПРАВО И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В начале 1914 г. молодой юрист Исаак Штейнберг сделал в Московском юридическом обществе доклад на тему «Что такое движение свободного права? (Закон и судья)». В этом докладе он представил своим слушателям краткий обзор этого недавно возникшего направления юридической мысли и подчеркнул его растущую популярность в немецкоговорящих землях Центральной Европы. Штейнберг особенно отметил, что «движение свободного права» предлагает более «эмоциональный» подход к отправлению правосудия и поддерживает творческое применение правовых норм судьями¹. В консервативном и легалистском контексте позднеимперской России эта речь могла прозвучать достаточно радикально. Впрочем, это была всего лишь абстрактная теория. В то время Штейнберг не был особенно заметной фигурой в мире права — всего лишь помощник присяжного поверенного.

Все изменилось в 1917 г., когда Россию захлестнула волна революций, и радикальные политические, экономические и общественные преобразования осуществлялись всего за нескольких месяцев. В силу своей активной вовлеченности в политику и левых взглядов Исаак Штейнберг смог занять место народного комиссара юстиции в первом советском правительстве, образованном после Октябрьской революции, и стал ответственным за проведение в жизнь широкомасштабной судебной реформы, которая отчасти действительно была основана на идеях, заимствованных у «движения свободного права».

В данной работе я исследую интеллектуальную историю понятия «чувства законности» и связанных понятий, а также попыток организовать на их основе юридическую практику в России начала XX в. Во-первых, я отмечаю возникновение новых идей относительно юридических эмоций в Российской империи рубежа XIX–XX вв. и подчеркиваю как международное, так и отечественное влияние на эти идеи. Затем я исследую развитие этих теорий после Российской революции 1917 г. и отмечаю как преемственность, так и разрывы на этом историческом рубеже. Наконец, я обращаюсь к попыткам реализовать эти радикальные идеи на практике, фокусируясь в особенности на экспериментальной

¹ *Штейнберг И.З.* Что такое движение свободного права? (Закон и судья): Доклад, читанный в Московском юридическом обществе. М., 1914.

правовой модели «революционной законности», которая существовала в Советской России с 1917 по 1922 г. и подчеркивала разрывы и несоответствия между смелыми утопическими проектами и суровой реальностью повседневной жизни революционного периода. Исследуя как теоретические основы, так и практическое применение правовой модели, основанной на «чувстве законности», используя наблюдения, сделанные в рамках исследовательского направления «история эмоций», я предлагаю новый взгляд на историю правовой мысли о роли эмоций в юридическом суждении и на историю правовых реформ в советской России.

1. Переводя *Freirechtsbewegung* на русский: «Психологические» правовые теории и проблема судебных эмоций в позднеимперской России

Как было отмечено в ряде недавно опубликованных исторических исследований², проблема судебных эмоций находилась в поле зрения правоведов по крайней мере с начала Нового времени — а потенциально и гораздо дольше³. Эти дискуссии особенно интенсифицировались на рубеже XIX–XX вв., когда в целом ряде правовых направлений стали подчеркивать роль эмоций при вынесении судебного решения. В американском контексте наиболее известным из таких направлений являлся т. н. «правовой реализм», а в Европе наиболее значительным было «движение свободного права» (*Freirechtsbewegung*), возникшее в Германской империи и Австро-Венгрии около 1900 г.⁴ Ассоциируемое обычно с такими правоведом, как Ойген Эрлих, Эрнст Фукс и Германн Канторович, «движение свободного права» предлагало радикальную альтернативу привычным правовым системам континентальной Европы того времени⁵.

Как было отмечено выше, одним из ключевых аспектов школы *Freirechtsbewegung* был выдвигаемый ей акцент на роли эмоций в юридическом суждении, в особенности в связи с идеей о «свободной правовой интерпретации»

² *Schnädelbach S.* The Jurist as Manager of Emotions: German Debates on Rechtsgefühl in the Late 19th and Early 20th Century as Sites of Negotiating the Juristic Treatment of Emotions // *InterDisciplines: Journal of History and Sociology*. 2015. Vol. 6 (2). P. 47–73; *Barclay K.* Performing Emotion and Reading the Male Body in the Irish Court, 1800–1845 // *Journal of Social History*. 2017. Vol. 51 (2). P. 293–312; *Vasilyev P.* Beyond Dispassion: Emotions and Judicial Decision-Making in Modern Europe // *Rechtsgeschichte — Legal History*. 2017. Vol. 25. P. 277–285.

³ *Maroney T.A., Ackerman-Lieberman P.* “As a Father Shows Compassion for His Children”: Ancient and Contemporary Perspectives on Judicial Empathy // *Journal of Law, Religion and State*. 2014. Vol. 3 (3). P. 240–275.

⁴ *Riebschläger K.* Die Freirechtsbewegung: Zur Entwicklung einer soziologischen Rechtsschule. Berlin, 1968; *Herget J.E., Wallace S.* The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism // *Virginia Law Review*. 1987. Bd. 73 (2). P. 399–455.

⁵ *Flavius G. [Kantorowicz H.]* Der Kampf um die Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1906; *Ehrlich E.* Grundlegung der Soziologie des Rechtes. Munich; Leipzig, 1913; *Fuchs E.* Was will die Freirechtsschule? Rudolstadt, 1929.

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
ЖИЗНЬ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ И ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ
1917–1922

Сборник докладов международного коллоквиума

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 03.06.2020. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 53. Тираж 300 экз. Заказ № 1972

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86